

КОГДА ПРОСНЁТСЯ *прошлое*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Сальникова

Когда проснётся прошлое

<https://litres.ru/74604762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мелисса привыкла полагаться только на факты. Допросы, улики, логика — вот её щит. Но сны становятся всё настойчивее, будто кто-то пытается прорваться сквозь плотное покрывало её памяти. И каждый раз, когда она просыпается, остаётся ощущение: она забыла что-то важное. Что-то опасное.

Серия убийств заставляет её столкнуться с необъяснимым: на жертвах появляется метка, от которой у неё самой холодеет кровь. Она привыкла держать лицо, не показывать слабость, но теперь её собственный разум становится полем боя: память сопротивляется, будто сама не хочет, чтобы её вернули.

А потом в её жизни появляется он — человек, который смотрит на неё так, будто знает, что прячется за её маской. Между ними искрит напряжение, рождённое старыми обидами и новыми тайнами. Он помнит её прошлое. А она должна его вспомнить — пока не стало слишком поздно.

Иногда самое страшное — не враг, который охотится на тебя, а правда, которую ты прячешь от самой себя.

Содержание

Глава 1 " Когда мир дёрнулся»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дарья Сальникова

Когда проснётся прошлое

Глава 1 " Когда мир дёрнулся»

Полотно поезда мерно покачивало, и этот ритм почти убаюкивал — если бы не крыса. Сосед по купе — невысокий, нервный мальчишка с вечно бегающим взглядом — заметил пропажу минут десять назад и с тех пор не мог найти себе места. Крыса по кличке Чизкейк. Да, именно так. Я ещё подумала, что у людей странный вкус в именовании питомцев, но промолчала — мальчишка и так был на грани.

— Может, она под сиденьем? — он уже трижды проверял под сиденьем.

— Может, — ответила я, хотя уже не верила в это. Крыса сбежала. Это было очевидно. Чизкейк оказался умнее, чем его хозяин, и теперь, вероятно, путешествовал по вагону с комфортом, в то время как его хозяин загонял себя в истерику. Я вздохнула и встала.

— Я поищу. Мальчишка посмотрел на меня так, будто я предложила ему крылья.

— Правда?

— Правда. Сиди здесь.

Коридор вагона был узким и пах чайным дымом, старой

обивкой и чем-то сладковатым — может, печенье из чьей-то открытой сумки. За окнами мелькали поля, уже тронутые осенью — рыжие, с белыми пятнами тумана в низинах. Стук колёс отдавался в стенах, и каждый шаг по ковровой дорожке звучал приглушённо, как будто поезд тоже старался не шуметь. Я заглядывала в купе одно за другим. В первом спала пожилая женщина, и я не стала её будить. Во втором двое мальчишек играли в карты и не обратили на меня внимания. В третьем — пусто. Чем дальше я шла по коридору, тем тише становилось. Пассажиры попадались всё реже, а где-то позади, в начале вагона, слышались обрывки разговоров и смех — там жизнь текла, как обычно. Здесь — будто другой конец поезда, сонный и забытый. И тогда я услышала это. Тихий, едва различимый писк — где-то впереди, за последней дверью. Я остановилась у последнего купе. Постучала. Тишина. Подождала ещё — и толкнула дверь. Внутри сидели трое. Все разом повернули головы.

— Вообще-то сначала спрашивают разрешения, — светловолосый даже не пошевелился, лишь приподнял подбородок. Смотрел так, будто я раздражала его самим фактом своего существования. Я сдвинула брови.

— Вы крысу не видели?

Темноволосый моргнул.

— Какую крысу?

— Обыкновенную. Моего соседа. Он потерял.

— Кто вообще берёт крысу в поезд? — он скривился, и

рядом с ним кто-то фыркнул — тихо, но достаточно, чтобы я услышала. Я уже открыла рот — объяснить, что смеяться над чужой бедой невежливо, — но светловолосый опередил.

— Надеюсь, она никогда не найдётся.

Воздух дёрнулся — так бывает, когда поезд резко тормозит и тебя тянет вперёд, только тут не было поезда. Мир сдвинулся на полшага, и этот сдвиг отозвался в ушах сухим щелчком, похожим на треск кости. Потом вспыхнуло — не ярким светом, а тяжестью, будто на грудь положили бетонную плиту. И сразу стало холодно. Грязно. Земля под щекой — жёсткая, мокрая, пахнувшая чем-то, чему я не знаю названия. Дышать тяжело, каждое усилие — как вдох через мокрую тряпку. Вокруг — крики. Не сразу разберёшь, откуда они. Со всех сторон и ниоткуда. И ещё этот звук, низкий, гудящий, от которого вибрирует в рёбрах. Я попыталась встать. Руки подломились — дрожали так, что не держали вес. Ладони в крови. Я устояла на них и не могла понять, откуда она. Минуту назад я стояла в поезде. Купе. Трое мальчишек. Крыса. Ничего из этого не объясняло кровь на моих руках. Хотела позвать — горло сжалось. Ни звука. И тогда я увидела его. Мужчина впереди, спиной ко мне. В его руках не было ничего. Только ладони, раскрытые, напряжённые, будто он удерживал на них весь этот хаос. От пальцев тянулись тонкие, дрожащие нити света — не яркие, а тусклые, как угасающие угли, и всё же они пульсировали, словно жили своей жизнью. Он что-то делал. Кричал — голос хрипел и

срывался на последних словах. Пытался кого-то остановить, удержать эту странную, рвущуюся наружу силу. А потом повернулся. Тёмно-синие глаза. Почти чёрные в этом сумраке, но если всмотреться — проступал глубокий, тяжёлый синий, как у штормового неба перед самым ливнем. В них не было ни насмешки, ни узнавания — только боль, такая, от которой отворачиваешься, потому что смотреть на это физически невозможно. Он смотрел на меня так, будто боялся, что это последний раз. Я хотела спросить — кто он. Что случилось. Но из всех вопросов, всей паники, всего крика в горле — вышло одно слово.

— Беги!

Вибрация возле уха вырвала её из сна — резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Мелисса резко открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, ловя ускользающие обрывки сна.

«Это сон. Просто сон».

Она повторила это вслух, тихо, почти шёпотом, будто слова могли удержать реальность. Провела ладонью по простыне — ткань была прохладной, гладкой, настоящей. Посмотрела на часы: цифры светились ровно, привычно, без всякой магии.

«Реальность. Здесь. Сейчас».

Мелиса всегда находила объяснение всему. Даже самым странным вещам. Стресс. Усталость. Переработка. Последние месяцы её жизнь будто разделилась на две несовпадаю-

щие половины: одна — официальная, с графиками, отчётами и сухими формулировками в протоколах, другая — ночная, где они с Мэтью снова и снова прокручивали детали, искали связи, спорили до хрипоты и всё равно не находили ответа. Расследования, которые они вели вместе, оставляли в голове тяжёлый, липкий осадок — его невозможно было просто выключить перед сном, как свет в комнате. Она уже хотела снова закрыть глаза, дать темноте забрать её хотя бы на пару минут, когда телефон на прикроватной тумбочке снова завибрировал. Ритмично, настойчиво, будто знал, что она не станет игнорировать. На экране высветилось имя: «Мэтью». Мелисса устало вздохнула, но всё же приняла вызов.

— Если ты опять звонишь, чтобы я забрала тебя из бара, даже не начинай, — пробормотала она сонным голосом, уже представляя эту картину: Мэтью, слегка взъерошенный, с виноватой улыбкой, и бармен, который смотрит на неё так, будто она приходит сюда каждую неделю.

— Я уже говорила, что больше не буду спасать тебя после твоих «последних бокалов». На другом конце несколько секунд было тихо. Потом раздался спокойный, абсолютно трезвый голос:— Вообще-то я трезв. Она замерла, и в груди что-то дёрнулось — не тревога, а скорее привычное, почти профессиональное ощущение, когда мир вдруг перестаёт быть предсказуемым. — Правда? — Представь себе. Мелисса невольно улыбнулась, но улыбка тут же сползла с лица — она знала этот тон. Мэтью мог шутить, мог ворчать,

мог даже притворяться беспечным, но когда голос становился вот таким ровным, почти механическим — значит, случилось что-то серьёзное.

— Тогда что случилось? Ты обычно не звонишь мне в два часа ночи просто поговорить. Его голос сразу стал жёстче, без намёка на лёгкость:

— Четвёртое убийство.

Фраза ударила точно в грудь — коротко, без пафоса, но так, что по коже пробежал неприятный холодок. Не «дело», не «инцидент», не «происшествие». Убийство. И не первое. Улыбка исчезла окончательно. В груди разлился холод, знакомый, отработанный, как рефлекс.

— Где?

— Адрес отправлю сообщением.

Сон слетел с неё мгновенно, будто его и не было. Перед глазами сами собой всплыли детали предыдущих трёх: места, позы тел, странные метки, которые никто не мог объяснить. И теперь — четвёртое. Словно кто-то методично переворачивал страницы в жутком календаре.

— Поняла. Выезжаю.

Она сбросила звонок и уже начала вставать с кровати, когда сзади раздался сонный голос:

— Милая?... Что случилось?

Мелисса обернулась. Шон всё ещё лежал, почти не проснувшись, и смотрел на неё одним приоткрытым глазом, второй прятался в подушке. В полумраке комнаты его ли-

цо казалось непривычно уязвимым — совсем не таким, как днём, когда он шутил, размахивал руками и делал вид, что ничего не боится.

— Работа, — коротко ответила она, натягивая джинсы. Ткань была прохладной, жёсткой после дня в шкафу, и это ощущение помогало держаться.

— Я ненадолго.

— Мелисса...

Она остановилась, пальцы замерли на пуговице рубашки.

— Что?

— Ты вообще когда-нибудь научишься отдыхать?

Она на секунду улыбнулась — не искренне, а так, чтобы он не волновался.

— Возможно. Когда-нибудь.

Шон тихо усмехнулся, прикрыл глаз и снова уткнулся в подушку.

— Ладно. Только не геройствуй там.

Она застегнула рубашку, взяла сумку и привычно проверила содержимое: документы, телефон, ключи. Всё на месте. Рутинa, которая успокаивала. Уже у двери она вдруг замерла, будто что-то царапнуло по краю сознания. Вернулась к кровати, наклонилась и легко коснулась щеки Шона, тихо, почти шёпотом, сказала:

— Теперь точно ушла.

Он не открыл глаз, но уголок губ чуть дрогнул в улыбке.

— Удачи.

Через несколько секунд дверь тихо щёлкнула, закрываясь, и коридор встретил её прохладой и тишиной — такой обманчивой, будто город затаил дыхание перед бурей.

Мелисса припарковалась в конце тихой улицы — в этом районе даже фонари будто старались не светить слишком ярко, чтобы не тревожить покой дорогих домов. Мэтью уже ждал у кованых ворот, ссутулившись и засунув руки в карманы куртки. Вид у него был такой, будто он не спал с прошлого дела — а может, и дольше.

— Всё то же самое, — сказал он вместо приветствия, едва она подошла.

Голос звучал устало, без надрыва, просто констатируя факт, от которого становилось только тяжелее. Мелисса посмотрела на него и коротко кивнула.

— Снова?

Он только повторил кивок. Она остановилась на пороге, прежде чем войти. Первое, что ударило по нервам, — тишина. Не та, что бывает в пустом доме, когда все разошлись и легли спать. А другая, плотная, будто воздух здесь застыл. Такая тишина появляется, когда что-то уже случилось, и дом до сих пор не может выдохнуть. Мэтью стоял у стены, не снимая куртки, и смотрел в глубину комнаты, будто надеялся, что если смотреть достаточно долго, всё само встанет на свои места.

— Тупик, — тихо сказал он. Мелисса не ответила. Она шагнула внутрь, чувствуя, как пол под ногами отзывается

глухим, солидным звуком — дом был построен на века, из камня и денег, и сейчас эта основательность казалась почти насмешливой. В спальне на широкой кровати лежала пожилая женщина. Не просто пожилая — старая, но с той осанкой и собранностью, которая говорит о долгой привычке к власти. Лицо было спокойным, почти величественным, будто она уснула, зная, что завтра всё будет под контролем. Но это спокойствие было мёртвым. Мелисса медленно подошла ближе, стараясь не нарушать эту странную, застывшую картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.